

Моисеев И.

24.07.91

2. Доклад для Берии

— Только учтите, — сказал Моисеев, — эта история тоже не будет понятна без предисловия.

— Игорь Александрович, я весь — одно большое ухо...

— Дело в том, что на какое-то время волею случая у меня образовалась еще одна специальность. В 1936 году, когда я уже был главным балетмейстером Театра народного творчества, ко мне обратился Малаховский физкультурный техникум: на ежегодные летние физкультурные парады на Красной площади его не пускали — мелкая сошка по сравнению с Московским институтом физкультуры имени Сталина, ленинградским имени Лесгафта и прочими «китами». Им сказали: сделайте интересное выступление, тогда выпустим. Этого они самостоятельно осилить не могли и по чьему-то совету обратились ко мне.

То было трудный период для меня: с приходом лавины ленинградцев в Большой театр никаких перспектив не оставалось, работы не давали, больше того — травмы (а прыжки — отдельный сюжет). Я был женат тогда на талантливой балерине Нине Подгорной — удар пришелся и по ней: ее стали снимать со всего репертуара, что, конечно, вывело меня из себя. Я понял, что пройдет еще несколько лет — и я превращусь в бывшего артиста балета и бывшего балетмейстера. Поэтому я пользовался любой возможностью, чтобы заняться творческой работой. Вот почему я твердо согласился и поставил выступление малаховцев, которым присудили первое место. То есть они забрили всех «китов».

Понятно, что на следующий год ко мне обратились с аналогичной просьбой многие, я выбрал Белоруссию, которую любил за чистоту фольклора, за подлинную самобытность и безыскусственность. За это выступление на физкультурном параде на Красной площади летом 1937 года белорусы тоже безоговорочно получили первое место.

Здесь надо заметить, что я взял еще и темп. До меня эти парады проходили необычайно тяжело, спортсмены шли медленно, церемониальным шагом. Достаточно сказать, что выступление инфизкульты имени Сталина длилось 45 минут. А мои белорусы не выходили, а выбегали, все делали в бешеном темпе и уложились в 7 минут!

Короче говоря, как постановщик физкультурных парадов я стал незбываемым авторитетом. Поднялся жуткий ажиотаж. Можно сказать, что все меня хотели, но я не хотел никого. Почему? Во-первых, на подготовку парада уходил мой отпуск — Большой театр отдыхал, а я работал. Во-вторых, уже после первого парада я разбогател и не нуждался в деньгах: за каждую постановку выступления на Красной площади мне платили 25 тысяч рублей, на нынешние деньги никак не меньше 250 тысяч. Сравните: прима-балерина получала 120 рублей в месяц, я как балетмейстер — 150. В-третьих, уже был основан мой ансамбль, работы хватало, а физкультурные парады, как ни говори, все-таки далеки от хореографии. И я решил: все, больше не буду. Однако...

В 1938 году меня вызвал генеральный секретарь ЦК комсомола Косарев и сказал: «Товарищ Моисеев, я бы не стал вас беспокоить, но недавно меня вызвал товарищ Сталин и спросил: «Почему это два года подряд институт имени Сталина не берет первого места на парадах на Красной площади?» Я знаю, товарищ Моисеев, кто может сделать это первое место, так что вы не обижайтесь, но мы вынуждены настаивать». Я стал отказываться, Косарев сказал: «Вы же понимаете, я скажу товарищу Сталину — он же вас все равно заставит...»

В общем, я вынужден был согласиться, подготовил выступление, и инфизкульт имени Сталина получил первое место. Я решил: на сей раз — все! Окончательно! Ни о каких парадах речи быть не может. Я ушел из Большого театра и сосредоточился на работе в ансамбле.

Такова предистория, без нее было бы непонятно то, что я сейчас расскажу...

Сезон 1938/39 годов мы провели успешно, закончили его в Кисловодске, где и остались отдыхать во время законного отпуска. Теперь представьте: последний концерт перед отпуском, и именно в этот вечер мне приходит правительственная телеграмма: «Немедленно приезжайте в Москву. Храпченко». Но какая Москва — я хочу отдохнуть! И посылаю телеграмму: в связи с заболеванием многих артистов готовлю замену, выехать не могу.

На следующий день приходит вторая правительственная телеграмма: «В пререкания не вступайте выезжайте немедленно Храпченко». Я понял, что случилось что-то серьезное, но по своему легкомыслию никакой опасности для себя лично не предвидел.

Еду в международном вагоне. В соседнем купе играют в преферанс крупные военные, жарко, все сняли кители, на каждом — по несколько орденов Ленина и Красного Знамени. Меня пригласили играть, я играю.

Подъезжаем к Москве, поезд останавливается. И тут в вагон входят два чекиста в форме, и один — громким голосом: «Кто здесь Моисеев?» У меня — душа в пятки, я сразу понял: вот зачем меня вызывали. Не своим голосом отвечаю: «Я Моисеев...» — «Где ваши вещи?» — «Вот они...» — «Идемте!» Один берет мой чемодан и идет вперед, я — за ним, второй чекист замыкает шестие. А все большие командиры, которые только что играли со мной и чуть ли не клялись в вечной дружбе, отвернулись и смотрят в окно, как будто со мной незнакомы.

Выходим на привокзальную площадь, сажает меня в роскошный открытый «линкольн» с никелированной борзой на капоте, один спрашивает: «Куда вас везти — домой или прямо к нам?» Понятно, что, когда советскому человеку приходится выбирать между домом и Лубянской, он почему-то всегда выбирает

первое, и я, еще не веря, говорю не своим голосом: «Домой...» Чекист, не спрашивая меня, называет водителю адрес. Едем.

Я жил тогда в доме Большого театра, который сейчас весь в мемориальных досках, на улице Неждановой...

— Тогда это было Брюсовский переулок...

— Ах, да! Нежданова была еще жива... В общем, поднимаемся ко мне на пятый этаж, и, прежде чем войти в квартиру, я говорю: «Товарищи, я вас прошу: на секунду задержитесь — я объясню жене, а то она увидит вас и...» — «Хорошо, хорошо». Я сказал жене: «Ты не пугайся — ничего страшного, это...»

— ...всего-навсего чека...

— Да, «по делу». Надо знать то время: если в 39-м вы на той стороне улицы видели чекиста, и он смотрел на вас, то понимали, что ваша песенка спета. У меня все тряслось, у нее затряслось...

Они вошли вслед за мной. «Где у вас телефон?» — спросил один приказным тоном; деликатно разговаривать тогдашние чекисты вообще не умели, а эти были не начальники, а типичные порученцы. Один из них набрал номер: «Товарищ начальник, товарищ Моисеев доставлен домой. Какие будут указания?.. Есть передать трубку!» Вкрадчивый мужской голос сказал мне: «Товарищ Моисеев, вы нам нужны — могли бы вы сейчас приехать?» Я говорю: «Знаете, я себя неважно чувствую,

трамвайных проводов — сантиметров десять не добросили, если б я задел провода, то был бы на том свете. Они же взяли первое место — представляете, какая для них радость?»

Мильштейн еще спросил: «Вы меня помните? Я возглавлял делегацию грузинского «Динамо» и стоял рядом с товарищем Берия». — «Как я могу помнить — меня же качали...» — «Так я жду вашего ответа».

Я ответил: не моя сфера, попал я сюда случайно, сейчас занят ансамблем и дал себе слово — парады больше не готовить.

— Это вы себе дали слово — им-то не давали...

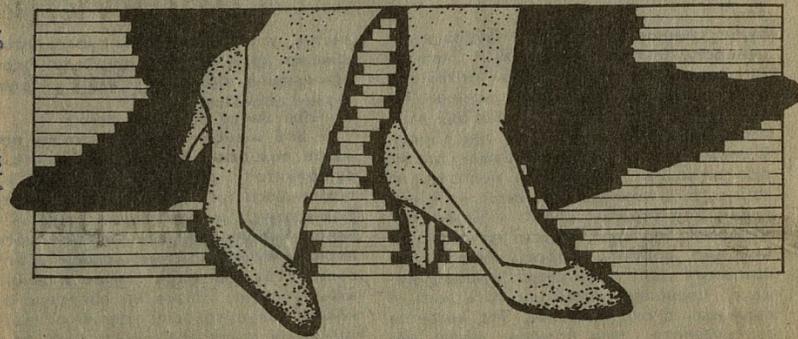
— В этом все дело. И главное: подготовка требует 2—3 месяца размышлений, составления плана выступлений. За месяц даже хороший план нельзя реализовать, а у меня вообще никаких мыслей нет... Я еще спросил: «Сколько человек вы хотите задействовать?» — «Всего пять тысяч». — «При всем желании... Убейте меня — не могу...»

«Товарищ Моисеев», — сказал Мильштейн, — вы-то как раз нужны нам живым. Мы безоговорочно примем любые ваши условия. Назовите любой гонорар — вы его получите. Вам нужно 100 помощников? Вы получите 100. Но отказывать нашей организации?.. Вы будете первым, кто это себе позволит. Знаете что? Поезжайте домой, забудьте о нашем разговоре...»

— А завтра дозрете и привезете план парада?..

Гостиная «АГ»

Рубрику ведет Григорий ЦИТРИНЯК

ТАНЦЫ
ДЛЯ
ВОЖДЕЙ

Игорь Моисеев вспоминает...

может быть, перенесем на завтра?» — «Хорошо. Завтра в 11 утра за вами заедет та же машина». И положил трубку.

Потом я себя ругал — все равно ведь всю ночь не спал, скакал, как карась на сковороде, и думал: «Дурак! Лучше бы сразу поехал...»

В 11 утра за мной приходят те же два порученца, везут в том же «линкольне» на Лубянку. Входим в здание бывшего страхового общества, теперь — НКВД, к которому с тыльной стороны, с переулочка, пристроено еще одно здание. Пропуск уже выписан, поднимаюсь на нужный этаж. Широкий коридор, с обеих сторон застекленные двери с зелеными занавесками, крупными буквами написано: «Начальник промышленного отдела», «Начальник военного отдела», «Главный комиссар чего-то...» Дохожу до «Главный комиссар железнодорожного отдела» и думаю: какое отношение я имею к железной дороге?

— Ну, вас же взяли на вокзале...

— Разве что... Вхожу; маленький кабинетик, за столом человек с...

— Вы напрасно хлопаете по плечам — погони ввели позже...

— А! В петлицах две шпалы — майор, в НКВД это уже много. Поднимается: «Товарищ Моисеев? Вас ждут!» Я говорю: «Вот я здесь...» — «Пройдите!» Толкает дверь с зеленой занавеской («дверная униформа», что ли?) — там вторая дверь за ней крупнейший кабинет, по нему идти и идти. Гигантский письменный стол, на котором можно играть в пинг-понг, телефонов штук 12. И за этим столом — человек вот такого роста...

— Метр с копейкой, если на коньках?

— Да, небольшого. Потом я узнал его фамилию: Мильштейн. Выбежал из-за стола, раскрыл объятия и радостно закричал: «Товарищ Моисеев, мы вас заждались!» — «Я к вамим услугам...» Трясет мне руку: «Сейчас-сейчас я вам все объясню, и вы все поймете!.. Прежде всего, чтобы вас не пугать, мы послали телеграмму за подписью Храпченко. А почему вызвали, я сейчас объясню.

Я приехал вместе с товарищем Берия из Тбилиси, поскольку товарищ Берия должен исправлять дела врага народа Ежова. Я был одним из его заместителей в Грузии, сейчас здесь заведу железнодорожным отделом НКВД и одновременно являюсь председателем общества «Динамо»...»

— И тут вы поняли, что из большого спорта вам живым не уйти...

— Да, тут я начал понимать. «Перед нами стоит очень трудная задача», — продолжал Мильштейн, — до физкультурного парада на Красной площади остался всего месяц, а товарищ Берия забронировал уже подготовленный план выступления, и нам надо все сделать заново — сами понимаете, товарища Берия не может устроить плохо, и, кроме вас, никто нас выручить не может. Вот почему мы вас побеспокоили. Я, кстати, в прошлом году видел, как вас качали физкультурники...»

— А вас качали?

— Чуть не убили! Докачали до

— Отгадали: «...а завтра, думаю, у вас появятся какие-то идеи».

Я уезжаю домой и — что за сволочная человеческая натура! — начинаю думать, как буду делать парад. Потому что понимаю: я попал в капкан. Короче говоря, на следующий день все повторяется: 11 утра — порученцы — «линкольн» (оказалось, машина Мильштейна) — Лубянка. Поднимаюсь по знакомой лестнице с твердым намерением сказать: «Делайте со мной что хотите, но я парада делать не буду!» Думаю: черт с вами — пойду в банк!

С этим твердым намерением я открываю дверь кабинета и вижу: полно людей. Человек 40. Все в форме НКВД. Все в высших чинах, в основном ромбы в петлицах, меньше трех шпал ни у кого не было. И не успел я переступить порог, как Мильштейн скомандовал громовым голосом: «Прошу встать!» Все встали. «Представляю вам начальника парада общества «Динамо» товарища Моисеева, который любезно согласился нам помочь!» Понимаете? Быка за рога. «Прошу представиться товарищу Моисееву!» И каждый — каждый! — ко мне подходил: начальник пограничных войск такой-то. Могу предоставить в ваше распоряжение 300 физкультурников 1-го разряда и 500 — 2-го... Начальник охраны такой-то. Могу... Все 40 представились. Выхода у меня нет. Я, заикаясь, пытаюсь что-то пролепетать, но главного Мильштейн уже добился.

— Склонил к сотрудничеству с органами. А в режиссуре-то, Игорь Александрович, он вас обставил...

— ...даже прежде, чем я открыл рот. Закончил он так: «Прошу иметь в виду: товарищ Моисеев работает в чрезвычайных условиях — ему за месяц надо сделать то, на что полагаются несколько месяцев. Товарищ Берия будет лично следить за всем. Поэтому при малейшей жалобе со стороны товарища Моисеева на беспорядок вы будете отвечать в порядке чекистской дисциплины». И все 40 чекистов слушали это, вытянувшись по стойке «смирно».

Дальше было так: в мое распоряжение предоставили «линкольн» и выдали билет почетного члена общества «Динамо», по нему я и двое любимых мною приглашенных могли питаться бесплатно.

— Но как же вы вышли из положения? Оставалось ведь всего месяц?

— Трудность состояла не только в этом: 5 тысяч человек можно было собрать только дня за два до парада. Значит, готовить их следовало отдельно, но — по четкому общему плану. И не дай Бог, если бы на сводной репетиции кто-то начал с правой ноги, а кто-то с левой: на передельи времени не оставалось.

Я разбил все 5 тысяч на группы и расписал, что должна делать каждая. Половину помощников взял из своего ансамбля и разослал их во все извилины этой милой организации: разучивать движения. А сам ездил на «линкольне» и проверял, все ли идет как надо. Работали по 12—13 часов в день — начинали в 8 утра и вкалывали до 10—11 вечера.

Прошло недели две — звонок: «Мильштейн говорит, срочно приезжайте!» Приезжаю часов в 7 вечера. «Чаю хотите?» Принесли чай и знаменитые «динамовские» эскеры. Мильштейн периодически куда-то звонит, задает один и тот же вопрос: «Ну как?» — потом молча кладет трубку. Я дал себе слово поменьше высываться и лишних вопросов не задавать, хотя понимал: мы должны куда-то идти, но пока еще не время.

8 часов вечера. 9, 10, 11, 12. Час ночи. Можно идти...

Входим в огромную комнату, по четырем углам — письменные столы, за одним — человек в фуражке с синим околышем, за вторым — с зеленым; двое других — гражданские. Понимаю: чей-то секретариат. По обе стороны двери в кабинет — диваны. Садимся.

Молча сидим час, полтора, два. Около трех ночи разрешают войти. И тут Мильштейн говорит: «Мы идем к товарищу Берия: вы должны сделать доклад — что мы готовим к параду». Раньше не говорил — может, опасался, что я задумаю покушение на любимого начальника. Вдруг открывается дверь, выглядывает сам Берия: пенсне с квадратными стеклами, колючий взгляд. Лицо лилово-зеленого оттенка, лицо человека, который не высывается.

— День и ночь боретесь с «врагами народа» — тут не до сна...

— Оказалось, он занимался не только этим. Бросил раздраженно-приказным тоном: «Входите!» Вошли. Сели по обе стороны длинного стола для заседаний: Мильштейн рядом со мной, напротив — Берия. Я начал: «В основу нашего выступления мы положили следующую идею...» Вдруг звонок: тринь-тринь-тринь! — и замигала лампочка. Берия сказал: «Попрошу вас выйти — это звонок с Халхин-гола!» В то время разворачивались события на Халхин-голе, и ему каждые 15 минут докладывали обстановку.

— Ну да — Жуков очень нуждался в его советах...

...но, как известно, общелся без них. Мы вышли в другую комнату, простояли там минут 10. Берия выглянул: «Входите!» Вошли, опять сели, я начал: «В основу нашего...» — опять замигала лампочка. «Попрошу вас выйти!» Вышли, минут через 10 вернулись, сели. Я было собрался в третий раз открыть рот, как Берия ткнул в меня пальцем и спросил у Мильштейна: «Это тот, о котором ты мне говорил?» — «Да, это товарищ Моисеев». Тогда Берия сказал мне: «Я вам верю — идите!»

Вот и весь мой доклад товарищу Берии...

— Не густо. Какую же идею вы положили в основу «нашего выступления»?

— Идея была такая: чекисты на стреме. На границе и, вообще, везде. Дело осложнялось тем, что на таких парадах категорически запрещалось использовать любую «самодвижущуюся» технику — передвигать что-либо можно было только вручную. И я расскажу лишь один эпизод, который мог окончиться трагически.

Я заказал гигантские платформы на дутых шинах — метров 10 в длину и 3—4 в ширину, — где разворачивалось действие по поимке нарушителей границы и т. п. По бокам «телег» были приварены металлические ручки, метра по полтора длиной — каждую платформу толкали человек 200.

Техническую сторону обеспечивал главный инженер какого-то военного завода, мобилизованный по моему образцу: тоже попал в капкан. Ни он моей фамилии не спрашивал, ни я его. Очень милый человек лет 40, архиграмотный в своем деле. Мы сотрудничали друг другу. Как-то я ему сказал: «Вы, конечно, понимаете, что всю технику, которую готовите...»

«Я все делаю с 6-кратным запасом прочности», — ответил он, и такой запас был в самом деле нужен, Судите сами.

На одной платформе установили буквы «ГТО» высотой каждая метров в 7—8. В сечении — квадратные, сделаны из стальных лестниц, то есть ступенки со всех четырех сторон. На каждую букву влезало до 100 физкультурников, так что каркас не был виден — закрыт людьми.

Накануне парада — две сводные репетиции у стадиона «Динамо». Я стоял на специально возведенных мостках высотой с мавзолей и проверял, как получилось. Прошло благополучно. За два дня до парада — ночная репетиция на Красной площади. Я — на мавзоле, рядом — Мильштейн и его люди. Опять все сошло. И вот парад.

Обратите внимание: мы находились на Манежной площади и въезжали на Красную площадь между кремлевской стеной и Историческим музеем. Помните, какой там уклон? Вот чего мы не учли! А теперь представьте себе, что происходит, когда «телега» с 7—8 метровыми буквами, облепленными людьми, въезжает по крутой горке... Я вижу, что девчонки на буквах висят черт те в каких положениях. Крик, гам, визг. И мне кажется, что буквы вот-вот оторвутся от платформ и погребут под собой людей. Меня прошиб холодный пот, я поглядывал на инженера — он белый, как бумага. И когда платформа въехала на Красную площадь, инженер обнял меня и в глазах у него стояли слезы. «6-кратный запас сработал!» — сказал он и захохотал.

Парад прошел хорошо. Мы ни с кем не соревновались, никакого места не брали — важно, что все осталось довольным.

На следующий день звонок — Мильштейн: «Товарищ Моисеев, поздравляю! Нашим выступлением все очень довольны. Передаю трубку товарищу Берия». Слышу голос Берии: «Товарищ Моисеев, большое спасибо — вы нам помогли». — И положил трубку.

— А хотя бы «здасьте»?

— Вот — буквально то, что он сказал. Привычным начальственным тоном. Сухо. На следующий день секретарь Мильштейна принес мне в пакете 25 тысяч рублей и двухмесячную путевку в дом отдыха НКВД. Я не поехал и даю вам слово, что ни на йоту ничего не преувеличил.

Но я когда-нибудь расскажу, как поссорился с Председателем Совмина Булганиным в присутствии Хрущева и Мао Цзэдуна — это интересное...